

Посвящается Мейбл

Выпороть дурака — невелика честь; черт возьми, дураки ведь созданы для порки! Но провести профессионала, даже если потом придется за это расплачиваться, — это ли не повод для гордости.

Джим Томпсон, «Кидалы»

Полагаю, вы бы сочли ее тихоней.

Уинстон Грэм, «Марни»

Глава первая

Наше внимание привлек английский акцент — кто-то на плохом школьном французском пытался заказать бокал пива. Мы, как обычно, держались поближе к бару: там, как правило, лучше всего клюет. Она совершила типичную ошибку новичка, устроившись за столиком на открытом солнце, — ее плечо уже начинало краснеть. Только что с самолета — это всегда плюс. На кожаных ручках ее бледно-голубой сумки «Лонгчамп» (оригинальная, я проверила) болталась бирка «Британских авиалиний», а лежащая перед ней книга в бумажной обложке, с корешком без заломов, была куплена в аэропорту по акции «Три по цене двух».

Так, что еще? Свежий маникюр-педикюр — неоновый розовый, популярный в этом году у всех гламурных британок, и новенький, перевязанный упаковочной лентой саронг, лежащий на песке у ее ног. Также налицо небольшое возбуждение, свойственное людям в первый день отпуска, энтузиазм в сочетании с пугающим ощущением пустоты, которую необходимо заполнить. Шон отошел в туалет, а я не выпускала девушку из поля зрения: покопавшись в телефоне, она подняла его и, сложив губы трубочкой, сделала селфи.

— Банковская карточка на имя Л. Флетчер Дэвис, — негромко сказал Шон, усаживаясь обратно на стул,

ножки которого тут же слегка погрузились в песок. — Адрес на багажной бирке: «11а, Стэнли-Террас, В11».

— Лулу, — парировала я, не в силах совладать с собой. Эти четыре буквы, отлитые в золоте, болтались на цепочке у нее на шее.

Шон улыбнулся, довольный мной, затем кивком указал на мой телефон, давая понять, что пора закидывать удочку.

Я посмотрела на него: «Серьезно?»

Хотела бы я сказать, что муки совести или, по меньшей мере, дурное предчувствие удерживали меня от этого шага. Но это было бы враньем. Быть здесь нам вообще не полагалось. Мы успешно провернули номер с «картиной Пикассо» и должны были уехать из Сент-Сесиль-сюр-Мер два дня назад, но я заболела — какой-то вирус сразил меня наповал и приковал к постели в гостиничном номере.

Погода стояла невыносимо жаркая. Приглушенные разговоры и шелест волн накладывались на тихую джазовую музыку. Наморщив нос, я неохотно пожалала плечами. Но это было ошибкой. Шон перестал улыбаться.

— Али, — сказал он, и я ощутила на щеке его холодное, как сталь, прикосновение.

Дело было не в деньгах. В гостиничном сейфе лежало достаточно, чтобы мы могли уехать куда пожелаем и даже — мне в голову пришла новая, дерзкая мысль — *разойтись в разные стороны*. Нет, проблема была в моей нерешительности — он принял ее на свой счет. Ему нравилось, когда мы действовали сообща. Как две детали одной идеально отлаженной машины.

Возможно, он прав, и Лулу — идеальный объект. Как большинство туристов. Юг Франции, может, и не Индия, где маленькие и большие суммы с легкостью

переходят из рук в руки и где, можно сказать, я и стала той, кем сейчас являюсь. Но выброшенная на берег рыба — это выброшенная на берег рыба, независимо от того, из какого водоема ее выбросило. В изоляции мы все глупеем. Мы все принимаем наихудшие решения, когда наш мозг перегружен.

Я поправила купальник, завязав веревочки так туго, что узел впился мне в шею. Полотенце, которое я подстелила на деревянное сиденье, было влажным после купания. На губах ощущался привкус соли, и я чувствовала, что теряю остаток этого жаркого дня. Я умоляла Шона провести на пляже еще один, последний денек. После заточения в гостиничном номере мне хотелось выбраться на солнце. Может, развести кого-нибудь на катание на водных лыжах. А может, даже почитать найденную в поезде книгу об осаде Трои с точки зрения женщин. Я заставила себя улыбнуться, глядя ему прямо в глаза. С его стороны это было очередной проверкой. Через несколько долгих секунд его лицо расслабилось, и он коротко кивнул. И неужели даже подмигнул? Меня накрыло волной облегчения. Я заметила, как дрожат мои руки.

Взяв телефон, я принялась за работу. Фейсбук, Инстаграм*. Я быстро нашла то, что нужно. Двойная фамилия — настоящий подарок.

Шон распахнул свою газету, «Сандей таймс» четырехдневной давности. Я поднялась на ноги, ощущая его взгляд, направленный на меня поверх страниц.

«У Рауля» — один из нескольких рядовых баров, рассыпанных по берегу этого небольшого залива в форме полумесяца: песок под ногами, складные па-

---

* Принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена. — (Примеч. ред.)

русиновые кресла и зонтики от солнца. Здесь подают салат с козьим сыром и рубленый бифштекс, разнося их по залу на овальных подносах, поднятых над головой. Время шло к обеду, и бар заполнялся посетителями — ошалевшими от солнца. Они брели с пляжа, таща за собой полотенца и маленьких детей. Яхты теперь стояли на приколе, а их обитатели плыли или вприпрыжку бежали к берегу, толкая перед собой сухую одежду на надувных матрасах. Все эти сияющие, счастливые люди, существа с другой планеты. Суматошный час пик был в самом разгаре. К четырем часам все опять стихнет.

Я сощурила глаза, выйдя из тени на яркий свет и пробираясь между столиками по направлению к девушке. Поравнявшись со спинкой ее стула, я присела на корточках. На подошве одной из ее полосатых тряпочных сандалий еще красовался ценник. От песка поднимался жар. Я почувствовала кокосовый запах ее солнцезащитного крема.

— Мадемуазель? — говорю я, выпрямляясь. — Je viens trouver... — Я помахала перед ней ниткой с наизнанными на нее стеклянными бусинами и металлическими шармами. — Mademoiselle, est-ce que c'est à vous?*

Она повернулась ко мне лицом, и вблизи мне показалось, что я ее знаю.

— О боже, — вспыхнув, сказала она. — Я не понимаю.

Голос я слышала впервые, но ее лицо — форма, черты и облик в целом — казались мне знакомыми. Мы были похожи — у обеих блеклые зелено-серо-голубые глаза, бледная кожа, тонкие прямые волосы.

— Я не говорю по-французски, — сказала она.

---

* Я тут нашла... Мадемуазель, это ваше? (фр.)

Она ничего не заметила. Впрочем, меня никогда особо не замечают. Поэтому Шон меня и выбрал: я брожу по миру никем не замеченная и никому не нужная.

— А, так вы англичанка! — Я издаю вздох облегчения. — Я тоже. Я только что нашла это — не вы уронили?

Она посмотрела на браслет, потом на свое запястье.

— Э-э, я не...

И снова посмотрела на браслет, уже более задумчиво.

— Ах да!..

Она протянула руку:

— Спасибо!

Тогда я перестала ее жалеть. Неправда, что честного человека нельзя развести на деньги, но морально легче надуть человека нечестного. Черт, Шон был прав. Упустить ее было бы ошибкой. Как и все остальные, она думала только о себе.

— Позвольте, — сказала я, раскрывая крохотную застежку и поднося браслет к ее запястью.

— Спасибо, — сказала она, и пока я, склонившись, застегивала браслет, она скользнула взглядом по моей голове. Теперь, когда я работала и снова была спокойна, я разглядывала ее руки: ожог в форме камешка на внутренней стороне запястья, довольно свежий, еще красный, мозоли на сгибах пальцев с внутренней стороны, на левом указательном — несколько белых шрамов, расположенных параллельно друг другу.

«Не смотри — наблюдай» — так учил меня Шон.

— Ну вот, — сказала я, справившись со своей задачей, — больше не теряйте.

Она взмахнула рукой, чтобы полюбоваться блеском дешевой бижутерии.

— Не буду.

Я распрямилась, все сильнее напрягаясь по мере приближения его шагов, легкой дрожью отдававшихся на песке.

— Лулу? — его голос прозвучал удивленно и настороженно, словно он мягко журил маленького ребенка. — Вы ведь Лулу?

Когда я обернулась, он как раз появился в поле зрения, представ перед нами во всей красе: еще влажные, спутанные темные волосы и загар, подчеркивающий голубизну его глаз. Его щетина была ровно такой длины, как нужно (еще чуть-чуть, и он бы походил на бандита), а расслабленная походка позволяла ему казаться выше и шире в плечах. Он скрывал свой возраст. По моим предположениям, ему было около сорока, но можно было дать лет на десять меньше. Очки-авиаторы от «Рэй-Бен», висящие на вырезе белой футболки, открывали взору треугольный участок гладкой, мускулистой груди.

— Или... — Теперь он сделал шаг назад. — Я ошибся? Извините. Я подумал, мы знакомы.

Он посмотрел на меня, потом снова на нее и улыбнулся — криво, застенчиво, по-мальчишески.

Она развернулась к нему всем телом, чтобы лучше рассмотреть, теребя буквы на своей цепочке. Из-под ее короткой маечки выбилась бретелька кружевного розового бюстгалтера.

— Нет. Нет. Да... Я Лулу... А вы кто? Мы...

Интересно, заметил ли Шон наше сходство. Возможно. Чем больше кто-то походит на тебя, тем менее объективно ты его оцениваешь. Наверное, он знал, что это даст нам фору.

Он прикусил нижнюю губу.

— Валь-д’Изер? — нерешительно сказал он. — Я Джон Доун.

— Валь-д’Изер? — Она всматривалась в его лицо. — Вы гостили в шале? Нет. Я бы запомнила. «Бар д’Альпин»? Эм... О боже! «Ле пти Дануа»! Вечеринка Кэрри Боуман в последний вечер?

Он коротко и выразительно постучал себе пальцем по лбу — точь-в-точь как фокусник, достающий из рукава букет цветов.

— Прощальная вечеринка Кэрри Боуман!

— Боже, вот так встреча! Откуда вы знаете Кэрри? Вы вместе были в Мальборо?

— Ага. Обожаю Кэрри.

Шон обошел вокруг стола, чтобы ей не приходилось вытягивать шею, глядя на него. Теперь он улыбался во весь рот — заинтересованно, вдохновенно. Он еще не растерял манеры, привитые ему в детстве. Но дело было не только в этом. В лучах его внимания становилось тепло, я ощущала себя любимой.

— Джон Доун. — Она вглядывалась в его лицо, словно пытаясь восстановить его в памяти. — Ну конечно. Боже. Прости, это был конец вечеринки. В тот вечер я была без сил.

— Да мы все валились с ног! — сказал он.

Я закатила глаза:

— Джон. Ну честное слово!

Она перевела взгляд с Шона на меня, потом снова на него. Помолчав, она продолжила:

— Так вы двое проводите здесь отпуск?

— Да, наверное, можно назвать это отпуском. —

Он обнял меня рукой за шею, стиснув ее. — Элли направляется домой после курсов во Флоренции, а я приехал, чтобы немного отдохнуть вместе с ней. — Он ткнул меня пальцем в ребра. — Она страшно обрадо-

валась возможности побыть со своим старшим братом, который вечно ее смущает.

Я наблюдала за подергиванием ее большой скуловой мышцы — она расположена сбоку от рта, и ее невозможно контролировать. От этого непроизвольного движения у нее едва заметно дрогнула нижняя губа, выдавая ее радость и удовлетворение от того, что она оказалась права. Да, Шон был старше меня, но она видела в нем птицу более высокого полета. Я боком привалилась к нему, к его крепкой, надежной груди. Он обвил меня рукой за плечо. Мой старший брат. Я подвисла на мгновение, наслаждаясь чувством защищенности.

— А что за курсы? — спросила она.

Я почувствовала, как Шон напрягся. Я знала, что после аферы с «Пикассо» он подумает об истории искусств. Но я видела ее страничку в социальной сети — хлеб со шлейфом из фондю, жертвенные агнцы, торжественно возлежащие на блюдах, невероятно колоритные безе. И я трогала пальцем шрамы.

— Кулинарные, — сказала я, — итальянская паста.

— Не Манзаро, случайно? — спросила она.

Дыхание Шона щекотало мне шею.

Я покачала головой:

— Если бы. Не, не так круто. Кухня Нонны, — выпалила я первое, что пришло на ум. — Домашняя паста.

— Как чудесно, — радостно сказала она. — При одной мысли об этом сразу есть хочется. Разве можно отказаться от тарелки домашней пасты Нонны?

— Тогда идем, нам, наверное, стоит... — Шон указал большим пальцем себе за спину, на наш столик, — заказать еду, пока все не набежали. — Он протянул ей руку для рукопожатия. — Рад был повидаться, Лулу. — Он произнес ее имя медленно, словно смакуя.

Мы отошли от ее столика. Наши босые ступни утопали в песке. Официант с ленивым взглядом — тот, что утром украдкой бесплатно подsunул мне круассан к кофе, — посторонился, пропуская нас. Мимо пробежал маленький мальчик, поднимая ногами в воздух фонтанчики песка. С пляжа до нас долетали бестелесные звуки, похожие на птичий гомон. Где-то закричала женщина.

— А не хотите... — донесся до нас тихий, нежный голос Лулу. Лучше бы я не оборачивалась так быстро и не видела этот ее полный энтузиазма, беззащитный взгляд. Мой рот приоткрылся — призывно или предостерегающе, — но было слишком поздно. Ладонь Шона плотно лежала у меня на спине, ноготь большого пальца впивался в кожу. Потом он убрал руку, и она указала рукой на пустые стулья по обе стороны от нее: — Присоединиться ко мне?

Шон всегда говорил, что секрет хорошей аферы в том, чтобы выяснить, что нужно человеку, и дать ему желаемое, но это не так просто, как кажется. Ну, для начала, люди не всегда знают, чего хотят. А иногда думают, что хотят, хотя на самом деле не хотят, или чего-то хотят, а думают, что не хотят. Часто приходится лавировать между пожеланиями и надеждами, сожалениями и самообманом, чтобы хотя бы приблизиться к истине.

Возьмем Лулу Флетчер Дэвис. На данном этапе игры важно было не то, что она могла дать нам, а то, что *мы* могли дать *ей*. Она была одна и изнывала от скуки в надежде на приключения, которыми Сент-Сесиль-сьюр-Мер ее пока не баловал. Симпатичный, дружелюбный Джон Доун был призван обеспечить ей желаемое. Искусство крылось в деталях. Человеческие

существа запрограммированы на самозащиту. Если бы он просто подошел к ней и заявил, что они знакомы, это активировало бы ее защитные механизмы. Вот почему участие «младшей сестры» было так важно. Трюк с браслетом был не просто поводом завести разговор. Он свидетельствовал о нашей честности. Мне можно было доверять, а значит, и ему тоже. Мы обошли ее защиту. Когда он двинулся в ее сторону, она уже была готова принять его в свой круг общения и сделала шаг ему навстречу.

Лучшие мошенники всегда работают в паре.

Едва мы сели, она начала трещать без умолку, стремясь развлечь нас, раз уж *заловила*. Я запоминала подробности. На самом деле она актриса — у нее была маленькая роль в «Аббатстве Даунтон», и видели ли мы ту рекламу? — но попасть на прослушивание так трудно, и она зарабатывает на жизнь готовкой. Она помешана на Инстаграме, но пытается себя в этом ограничить, сосредоточиться на своем, понимаете ли, внутреннем мире. Через два дня она приступает к работе в доме под названием «Прованс» в должности личного повара. Она уже работала тут год назад, только на других людей — реально крутую молодую пару: Олли Уилсона — парня, запустившего службу доставки еды, — и его жену Катю, модного дизайнера. Знаем ли мы их? Слышали ли о них? Нет? Возможно?

— В общем, Катя рассказала обо мне хозяину, и так получилось, что меня подрадили поработать на людей, арендующих поместье в этом году. Я согласилась, потому что хотела вырваться куда-нибудь: жизнь бывает такой однообразной. Мне нужно было сменить обстановку. У них издательский бизнес, а я всегда хотела написать роман, так что... А в конце дом будет в моем полном распоряжении на пару ночей. Но деньги, я хочу

сказать, *никакие*. Сущие гроши. И я не смогу пойти к Бу Уотсон на ее тридцатилетие, хотя мне очень хочется. Вы ее знаете? Она училась со мной в университете Святой Марии, а вот ее брат Уилл учился в Мальборо...

Шон точно не помнил, но имя было ему знакомо.

Я улыбалась, чтобы продемонстрировать свою вовлеченность. Теперь я взяла в руки ее книгу — роман-бестселлер о двух сестрах, растущих в охваченном войной Судане, — и спросила, понравилось ли ей. Я плакала, когда читала его, но я видела корешок без заломов и заметила, как она почти неуловимо наморщила нос, поэтому, не дожидаясь ее ответа, добавила:

— Я бросила читать: слишком сложно для понимания.

— Мне можешь не рассказывать. — Она скинула свои сандалии, устраиваясь поудобнее.

— Мне бы журналчик хороший, я их хоть каждый день читать готова.

Она выложила на стол «Вог», который я уже успела заприметить в ее сумке. *Та-дам*.

— Ого, — сказала я, словно она показала мне огромную плитку шоколада или маленького щенка.

Я ощущала на себе одобрительный взгляд Шона. Он научил меня, как отзеркаливать людей. Людям нравится, когда они встречают похожего человека. Уж в этом я мастер! Чем лучше ты подстраиваешь под них свои интересы или взгляды, тем с большей вероятностью они станут тебе доверять. Шон сказал мне, что это называется «эффект хамелеона», или «эгоцентрический якорь». Иными словами, такова человеческая натура.

Когда принесли наш заказ, она ела, как человек, который любит поесть, — с хрустом разламывала клешни краба, впивалась зубами в мясо и жадно об-

сасывала раковины. От хлеба она отказалась — какая-то непереносимость, — но с удовольствием поглощала жареную картошку и приготовленную на углях курицу.

— Эти креветки, — сказала она, поднося ко рту бледно-розовую массу, — не хуже тех, что я ела на Ибице прошлым летом. — Ее губы блестели. — Бывали там?

— Нет, но я бы очень хотела, — сказала я.

— Боже, обязательно съездите. Мы с Тоддом, моим бывшим, классно там оторвались. Вы будете *в воскресенье*. Там одна сплошная вечеринка.

Ветерок стих. Жара опустилась на землю, превратившись в нечто плотное и желеобразное. Лулу переделась в купальник, воспользовавшись кабинкой возле черного хода, и мы, прихватив кофе, переместились на пляж. Шон уговорил ее лечь на его шезлонг, а сам сел между нами под зонтиком, скрестив ноги и повернувшись лицом к морю. Она улеглась и развязала свой саронг, развернув его полы, как меню в модном ресторане. Закрыв глаза, она негромко вздохнула. Ее ресницы казались иссиня-черными на фоне веснушчатой кожи. У нее был бледный и выпуклый живот. Шон откинулся назад и поймал мой взгляд. Он наслаждался собой. Ему очень нравилось обманывать женщин определенного типа, и это уже начало меня смущать. Что это было? Мечь ведущей светскую жизнь матери, у которой с ним было так мало общего? Или бросившей его подружке? Как бы то ни было, ему не нравилось, когда женщины были *лучше* его. В присутствии Шона важно было не высовываться.

Лулу вызывала у меня двойственные чувства. Сначала я ее жалела, потому что она была несостоявшей-

ся актрисой, потом переставала жалеть, потому что это было вроде как хобби. Она была при деньгах, это было очевидно: даже если не брать в расчет родителей, живших в Дубае «ради налогов», ценник на ее боножке говорил сам за себя. Мне нравился ее аппетит, то, с каким вкусом она ела, но потом она презрительно высказалась о девушках из Эссекса и «этих французах», и я подумала: «Ты это заслужила». Я полистала ее журнал: дорогие шмотки и нелепые плетеные сандалии — другой мир. Внутри пробник крема для лица. Я выдавила немного из фольги. Запах горячего пластика.

Когда ее энергия поиссякла, она начала жаловаться — на свою мать, что лезла в ее жизнь, на вечно раздражавшую подругу Бу; и даже на своего бывшего, Тодда, похоже, и правда мерзкого типа.

— Когда я вышла из бара, он ждал меня на улице у входа — хотел меня подвезти до дома, — а я такая: «Ты что, реально издеваешься?»

Но ничто из этого ее, похоже, не беспокоило. Она все бубнила и бубнила, а я с трепетом рассматривала ее расслабленное лицо и невольно задавалась вопросом, каково это — быть ею, жить в ее шкуре. Она выросла в атмосфере любви и заботы. И в это мгновение я почему-то испытала такой мощный укол любопытства, такое болезненное и страстное желание ощутить это на себе, что мне пришлось отвернуться.

Когда солнце опустилось в розоватое марево на горизонте, а вода превратилась в жидкое серебро, официант принес наш счет. Коричневые чайки играли с волнами в салки. В баре подметали пол, наводили порядок и гремели посудой, готовясь к вечерней смене. Шон приступил к организации нашего побега, а Лулу лежала, опираясь на локоть и не сводя глаз с его